

ПСИХОЛОГИЯ
СЧАСТЬЯ

НЕ ГОВОРИ МУЖЧИНАМ

НЕТ! Юлия
Михалкова

Психология счастья

Юлия Михалкова

Не говори мужчинам «НЕТ!»

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Михалкова Ю. Е.

Не говори мужчинам «НЕТ!» / Ю. Е. Михалкова —
«Издательство АСТ», 2020 — (Психология счастья)

ISBN 978-5-17-122465-3

Через слезы, целеустремленность и несгибаемую веру в себя женщина может выйти победительницей из любого порожденного мужчиной кризиса. Актриса и экс-участница «Уральских Пельменей» Юлия Михалкова в легком ироничном стиле без обид, зависти и злости расскажет, как благодаря сотне честных джентльменов и бессовестных негодяев, она стала сильной и уверенной в себе, сохранив в сердце любовь и веру в человечество. А также поделится своим взглядом на то, как выжить женщине в мужском мире шоу-бизнеса, политики и даже в переулках рабочих кварталов, не поддаваясь обманчивым соблазнам и своевременно делать выводы... Главный вывод, который сделала сама Юля – не говорить «нет» – это еще не значит сказать «да»! Не обязательно бросаться в объятия первому встречному. Но и отвергать подаренный мужчиной опыт – нельзя. Все на пользу! Даже нанесенная обида – не повод злиться и опускать руки. Это шанс лучше понять себя и стать сильнее. Книга для тех, кто ищет вдохновения среди холодных каменных стен мужского мира. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-122465-3

© Михалкова Ю. Е., 2020

© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Вступление	7
Раз-два-три. Итак. С чего бы начать?	7
Глава 1. Про что я вспомню, а про что – умолчу?	9
Глава 2. Почему я мало говорила про свои отношения с мужчинами?	11
Глава 3. Детство. Парни. Первые выводы	12
Глава 4. Виталик-сандалик	24
Глава 5. Здравствуйте, я с «Русского радио»	26
Глава 6. О любви к импровизации	28
Глава 7. Почему я пошла на ТВ, но не осталась там	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Юлия Михалкова
Не говори мужчинам «НЕТ!»

© Михалкова Ю., текст, 2020

© ООО «Издательство АСТ»

Вступление

Раз-два-три. Итак. С чего бы начать?

Начну, пожалуй, с того, что в глазах моей аудитории, в том числе вас, дорогой читатель, я совсем не похожа на человека, который способен написать книгу. Максимум – пост в «Инстаграме».

У нас ведь как – если ты выпустил книжку, то здесь одно из двух: ты либо писатель – умный, проницательный, интеллектуальный, блестяще владеющий русским языком (Сорокин, не меньше), либо ты настолько успешный и популярный «суперстар», что одно лишь твое фото на обложке продаст любое содержание, написанное студентами Литинститута по цене десять копеек за знак. Или пятнадцать.

Сейчас, сидя с бокалом шампанского перед белоснежной клавиатурой, я готова сделать признание. Я – не писатель! Прекрасно это понимаю и не претендую на лавры Набокова, Бунина и Пастернака. У меня – свой Олимп.

Кто же я тогда? Я – актриса. А еще – общительный человек, и жизнь моя полна комизма, драматизма и невероятных знакомств. Преимущественно с мужчинами.

Мужчины-мужчины-мужчины. Иногда мне кажется, что мы, женщины, не до конца понимаем всего сакрального смысла того, что мужчины находятся возле нас. Для одних – это источник любви, для других – денег, плотских утех, залог успешной карьеры, прекрасной семьи и многого другого. Казалось бы, для всех женщин мужчина играет свою, строго индивидуальную роль.

Я задалась вопросом: есть ли какое-то максимально универсальное объяснение, какова роль мужчины в жизни женщины? Ну вот зачем он нужен, мужчина этот, в брючках, шортиках, с усами или без.

И тут я вспомнила историю. Однажды, года четыре назад, после концерта ко мне на сцене подошел интеллигентный, почтенного возраста мужчина и сказал, как мне тогда показалось, странную фразу:

– Юлия, знаете ли вы, что общего между актрисой, вами, например, и мной, доктором математических наук?

Во, думаю, какой интересный маневр для знакомства – что-то новое, впервые такое слышу. Любопытство взяло верх.

– Нет, даже не представляю, – ответила я с интересом.

– Общее в том, что у нас отлично развито пространственное воображение. Вы живете в трех измерениях сцены: ширина, высота, глубина. Или – смысл, звук, цвет. У вас все раскладывается на три. Поэтому вы, артисты, – как вольные птицы в небе. А мы, математики, знаете ли, те еще фантазеры, мы жонглируем пространствами, придуманными мирами...

– Как интере-е-есно, – слегка наклонив голову, протянула я.

– Так вот, отсюда – следствие. Мы с вами самые сильные люди, устойчивые к разным обстоятельствам.

– Как так, почему?

– Потому что самая устойчивая позиция достигается опорой на три точки. Чистая математика.

– Может, вам автограф?

– Да, пожалуйста, мне для внучки. Спасибо. Юлия, никогда не забывайте цифру три. До свидания.

Сейчас я вспомнила этот диалог, и меня осенило. Точно! Достала блокнот и начала в нем рисовать – люблю так делать, когда пытаюсь подумать над чем-то сложным, запутанным.

Рассуждаю: что формирует женщину? Что делает ее такой, какая она есть в данный момент? Надо найти три самых важных точки опоры!

Первое – это, понятно, ее прошлый опыт. Он, как правило, определяет ее нынешнее состояние и планы на будущее. Вообще, день сегодняшний – это постоянное уравнивание груза собственной истории с бесконечно легким и неудержимым стремлением вверх, вперед. «Сегодня» – это компромисс между вчера и завтра. В общем, время формирует женщину.

Хорошо. Второе. Сегодня я живу в Москве и начинаю четко замечать, что среда влияет на женщину. Большая разница, где она живет: в столице, крупном городе или в деревне, в глуши, в Саратове. Пространство – вот что влияет на женщину.

Третье. Нужно третье! Ну, конечно. Один из принципов театрального искусства – борьба противоположностей. Женщина. Кто ее антагонист? Мужчина. Мир мужчин, их влияние, их наличие или отсутствие – вот она, третья составляющая женского пространства.

Мужчины, как пуговицы, стягивают ткань пространства по фасону времени в один прекрасный наряд жизни женщины. Для каждой женщины мужчина – это такое явление, которое делает ее жизнь устойчивой и осмысленной. Каким именно образом делает – второй вопрос.

В этой книге я хочу наглядно доказать вам эту любопытную идею. Расскажу про свое прошлое и то, как оно повлияло на будущее, про ценность перемещений по территории необъятной России, и какую ключевую, связующую роль в этом играли мальчишки, парни, мужчины и седовласые старцы – из «Уральских Пельменей», зрителей, политиков и просто случайных встречных.

Итак, это мой первый сольный литературный концерт. Занавес открывается. Ваши аплодисменты. Поговорим о цифре три.

Глава 1. Про что я вспомню, а про что – умолчу?

Перед каждым концертом или фильмом организаторы всегда делают оговорки. Чаще всего информируют об ограничениях по возрасту. В фойе кинотеатра примерно так: сюда можно с детьми от шести лет, а вот фильм, пожалуйста, для тех, кому старше четырнадцати – просим-просим. Нет, сюда детям нельзя, строго «восемнадцать плюс». А здесь? А здесь, товарищи, уже отделение Пенсионного фонда. «Пятьдесят пять плюс». А, уже пятьдесят? Так скоро и сорок пять будет. Так, кто моложе, проходите мимо, еще успеете.

В своей книге я тоже хочу сделать несколько ремарок относительно того, о чем буду рассказывать, а что останется тайной.

Итак. Если спросить, например, в метро: «Кто такая Юля Михалкова?», то люди в возрасте от 6 до 66 лет произнесут словосочетание «Уральские Пельмени». Этот юмористический коллектив из Екатеринбурга на десять лет стал для меня домом, семьей, школой, надежной опорой. Информационную справку о «Пельменях» я дам чуть ниже.

Я не лукавила и не кокетничала, когда время от времени в «Инстаграме» и в интервью мощному глянцу говорила, что «Пельмени» – это для меня вся жизнь. Так и есть. Не только коллектив, но и в целом работа артиста – вся жизнь.

В «Пельменях» все десять лет я училась. Общаться, чувствовать, играть. Все десять лет очаровывалась и разочаровывалась в людях, начала понимать, что такое хорошо, а что – так себе. В первую очередь, это касается мужчин.

В 2009 году пришла туда восторженной девчонкой. В 2019-м – покинула уверенной в себе женщиной с четким пониманием, кто я такая и чего хочу.

Это десятилетие стало яркой страницей моей жизни. А для самого коллектива – периодом расцвета.

Я расскажу о том, чему меня научила работа в исключительно мужском коллективе, где девушка – актриса – это как модный галстук джентльмена. Красивая, обязательная вещь, подчеркивающая уникальность в диалоге с другими мужиками.

Я вспомню истории, диалоги, чувства, обиды и мгновения радости. Героев историй скрывать не буду, выскажусь, как есть.

Но умолчу про секреты, которые обещала Андрею Рожкову, Диме Брекоткину, Соколу хранить вечно. Меня в детстве учили, что у секретов нет срока давности, и «сдавать» их нельзя никогда, ни за какие коврижки.

Я познакомлю вас с мужчинами из коллектива и расскажу о зрителях. Зрители – отдельная линия повествования. По большому счету, мужская аудитория «Пельменей» – это срез современного мужского общества России.

Персонажи были самые разные. Робкие, наглые, добрые, озлобленные, сгорающие от страсти и страдающие от тоски. Как-то я в «Инстаграме» писала о том, как после каждого концерта получала пачки записок с неприличными предложениями, а потом устраивала костер из этих бумажек. Таких историй много.

Отдельная часть книги будет посвящена моему политическому периоду – двум попыткам поучаствовать в выборах. Это было важной частью моей жизни, благодаря которой лично я сделала много интересных открытий о мире мужчин из числа политиков, а также о том, как красивой девушке выживать в условиях жестокой предвыборной конкуренции.

Однако в отличие от рассказов про «Уральские Пельмени», где я намерена говорить прямо и открыто, про политику придется высказываться метафорично, не произнося фамилий и мест событий.

Сюжетная линия может внезапно затронуть достаточно высокопоставленных и авторитетных людей, которые до сих пор у власти. Кто-то из них дал мне мудрые советы, уберег

от ошибок, кто-то, скажем так, не оставил в моей жизни приятных воспоминаний, дал повод разочароваться в человечестве, в мужчинах в частности. Тем не менее каждому из них я давала слово: «Все, что мы сказали друг другу в кабинете – останется в этих стенах. Рот на замке».

Это – вопрос принципа.

Глава 2. Почему я мало говорила про свои отношения с мужчинами?

Волнуюсь. Мне предстоит рассказывать про мужчин, хотя эту часть жизни я всегда старалась держать в тени. Сколько бы ни спрашивали у меня журналисты о личных или рабочих моментах, я всегда отшучивалась или уводила разговор в другую сторону.

Почему так происходит? Дело не в стеснении. Хотя это чувство мне знакомо. Я – публичный человек, актриса. Мой «Инстаграм» ежедневно просматривают десятки тысяч человек. Видео на YouTube с моим участием набирают миллионы просмотров. Журналисты (спасибо им за это) внимательно выискивают темы про меня. Потому что фамилия «Михалкова» отлично «кликается». Этот водоворот внимания от невообразимого количества незнакомых мне людей вызывает ощущение, что меня ежеминутно рассматривают под микроскопом.

Плохо ли это? Я бы ответила так: необходимо. Внимание зрителя, обратная реакция от него для артиста является своего рода энергетиком. Я заряжаюсь от аплодисментов, от каждой просьбы сделать совместное сэлфи, от каждого комментария в социальных сетях – несмотря на то, что там далеко не все доброжелательны, но это не так важно. Для артиста любая реакция зрителя хороша. И похвала, и критика. Безразличие – это плохо. Равнодушие – это смерть.

Но чтобы окончательно себя не потерять, не слиться с маской своего героя, чтобы не получилось ситуации, как в фильме «Внутренняя империя» Линча, необходим выход в реальность, в какой-то скрытый от всех закуток только твоей повседневной жизни. Он не должен быть заметен для зрителя. Это интимное пространство, или, как говорят американцы – «прай-веси».

Такой закуток для меня – моя личная жизнь и вопросы веры. Здесь же «живут» все мои реальные искренние чувства. Наличие этой тайны – по сути, единственная страховка для меня, как для творческого человека, чтобы не сойти с ума. А в мире искусства, поверьте, это может произойти очень быстро и незаметно для артиста. Надо быть внимательнее к самому себе.

Я могу точно сказать, что вы нигде не найдете ни фотографий, ни точных описаний, например, моей спальни. Кто мои близкие друзья? Это тоже скрыто от глаз. Какие чувства я на самом деле испытываю по отношению к бывшим коллегам из «Пельменей»? Об этом тоже нигде нет точных сведений.

Лишь иногда я позволяю себе приоткрыть шторы в окне моего закутка, чтобы любопытный зритель смог насладиться чувством обладания тайной. Продолжая метафору, скажу, что эта книга, может быть, в первый и последний раз не приоткроет, а широко распахнет эти шторы.

Глава 3. Детство. Парни. Первые выводы

В детстве меня учили никогда не разговаривать с незнакомцами. Но иногда, по воле случая, первый встречный может превратиться в друга. Гастроли «Уральских Пельменей» проходят по всей России. И если из Москвы в Тверь можно доехать на комфортном автобусе, то до Красноярска или Иркутска мы добирались исключительно самолетом, часто – бизнес-классом, который в итоге становился тем магическим местом, где за пять-семь часов полета случайные соседи к моменту приземления становились почти что давними знакомыми.

Интерес к истории места плавно подвел меня к пробуждению любопытства в отношении собственной судьбы. Признаюсь, первые четверть века своей яркой жизни я абсолютно не задумывалась о том, какой была в детстве и почему стала такой, какая есть. Вообще, для меня восприятие времени сжималось от воспоминаний о прошедших недавно концертах до планирования предстоящего отпуска. В целом получался отрезок месяцев в шесть-восемь.

Кто повлиял на меня?

Однажды я летела из Москвы куда-то далеко в Сибирь. В иллюминатор било солнце, спать не хотелось. В «бизнесе» рядом со мной сел мужчина примерно пятидесяти лет, весь в черном: от носков до кепки. Очки – черные, даже кольцо на пальце – черное. Странно, что маникюра не было. Черного.

Вежливые стюардессы предложили напитки. Мы оба согласились. После второго стаканчика вина было глупо сохранять молчание.

– Вы какой-то такой весь одноцветный. Всегда так ходите? – достаточно бестактно нарушила я тишину.

– Нет, я только в самолетах так, – пробормотал он. – Это не какой-то каприз, а следствие событий моего прошлого, весьма невеселого. Вообще, вы знаете, есть такая фраза: «День сегодняшний есть следствие дня вчерашнего». Она принадлежит замечательному человеку, романтику. Куваеву. Прелесть фразы – в ее универсальности. Она подходит для каждого человека.

– И даже для меня? – поинтересовалась я. – Вы вправду думаете, что события нашего прошлого так сильно влияют на будущее? То есть ты на завтрак в детском саду кашу манную плохо ел, поэтому у тебя нет аншлагов на концерте?

– Примерно так, – не отступал готичный сосед. – Для вас, женщин, это тем более справедливо. Вообще, вы не задумывались о том, что вся жизнь женщины, история ее становления – это череда встреч с мужским миром? И речь не только о мужиках – тут все просто. Я более широко рассуждаю: предметы, места, занятия – все из мира мужчин.

– Про место не поняла.

– Вы откуда?

– Из Екатеринбурга.

– Слово мужского рода. Основали этот город два славных парня в камзолах. Назвали в честь женщины, которую никогда в глаза не видели. Это что за безответная любовь? Вот так город себя в итоге и ведет, как безответно влюбленный мужчина. Иногда капризный, – прохрипел он, глядя мне в лицо, – и систематически впадающий в меланхолию, переходящую в приступы бунтарства. Тяжело, наверное, у вас живет женщина.

Мы разменяли четвертый бокал вина. Перелетая Уральские горы, он продолжил:

– Вообще, человечество на протяжении всей своей истории питается энергией межгендерных отношений. Мужчины всюду ищут женщин и наоборот. При каждом контакте – искра, изменение траектории, чувство, секс, любовь, эмоция и, самое главное, смысл жизни! И чем больше таких искр – тем ярче, здоровее и продолжительнее жизнь человечества. Поэтому каждая новость про феминизм заставляет меня плакать. Как на поминках.

– Да нормально у нас в Екатеринбурге женщинам живется. Салоны красоты хорошие есть. Караоке. Парни классные. КВН веселый. А вы сами откуда?

– Москва. Наша главная женщина. Сердце российской земли. Как там поется, помните? «Ты нежданных гостей принимаешь...»

– «... как любимых своих сыновей», – внезапно вспомнила я известную песню.

– Вот! Скоро на снижение пойдем. На посошок?

– На посошок!

Таинственный черный человек оказался прав.

После того разговора я стала пристально присматриваться к эпизодам своего детства. Я помню не все. Но в памяти отпечатались вспышки событий, которые – вы не поверите – так или иначе связаны с мужским миром. И в результате мой ретроспективный горизонт расширился до детсадовских времен. Прогресс – колоссальный.

Мы рождаемся маленькими комочками, и порой единственное, что нас отличает друг от друга, это рост, вес, цвет глаз. В остальном мы одинаковы, особенно в вопросах восприятия внешнего мира.

Чем старше мы становимся, тем больше водораздел между нами. Мы, словно галактики во Вселенной, все дальше и дальше разлетаемся, отходим в своем развитии от какого-то единого стандарта.

А все потому, что растем мы в разных сообществах. У каждого своя семья, дворовая компания, тусовка в классе, команда КВН. Общаясь и постигая мир, дети становятся разными. И, как следствие, взрослые тоже вырастают разными. Поэтому, чтобы рассказать, что я за личность, и ответить на вопрос, как я научилась работать и общаться с мужчинами, проведу для вас короткую экскурсию по своим детским годам.

Кто меня воспитал? Самые важные практические советы, стержневые, мне дала бабушка. Она казалась мне каким-то супергероем. С нее хотелось брать пример. И, как мне сегодня кажется, я смогла сделать правильные выводы из общения с ней и сохранить им верность на все последующие годы. Именно поэтому я хочу рассказать о ней чуть подробнее. Человек, который направил меня, куда надо.

Бабушка. Сегодня она жива лишь в моем сердце, но я до сих пор ее безгранично люблю.

В нашем городе – Верхней Пышме – она была известным, уважаемым человеком: почетный гражданин города, заслуженный строитель. Яркий представитель поколения созидателей, тех, кто в послевоенные годы поднимал страну из руин. Про таких говорят: «Гвозди б делать из этих людей».

Сегодня, сидя в уютных кафе и листая модный «Инстаграм», трудно даже приблизительно представить себе разруху и разгром, оставшиеся после войны. Это, как если бы в квартире одновременно случился пожар, потоп, взрыв газа и капитальный ремонт.

После Победы активно строилось жилье, больницы, дома культуры, заводы, дороги. Поколение моей бабушки жило ярко, насыщенно. Для них война еще не стала страницей истории. Сороковые только-только завершились. И послевоенная реальность определяла настоящее этих людей, в том числе моей бабушки.

Они любили жизнь. Ни деньги, ни статус – ничто не имело такого значения, как обычная мирная жизнь. «Жив-здоров, и слава богу», – вот ключевая фраза, в которой отражена основная ценность того поколения.

Они с чувством проживали каждый день. Не загадывали далеко вперед, не пребывали в розовых мечтах. Как-то, во время очередного политического спора с молодыми друзьями, мне сказали: «То поколение жило в постоянных иллюзиях о том, что вот-вот наступит этот их коммунизм». Не было такого. Конечно, люди мечтали. Но это были не праздные мечты, не обломовщина. Это был образ желаемого будущего. И хотели они немного, простых вещей, которые мы и сегодня часто желаем друг другу, но делаем это как-то автоматически, не вкладывая

всей глубины смысла в слова. Они хотели мира на Земле, светлой, чистой, честной любви, чтобы все были здоровы и счастливы. И чтобы будущие поколения никогда не познали горечи войны.

Но их слова были обращены не куда-то в воздух или к мифическому собеседнику. Нет. Это было пожелание самим себе. Они понимали, что только своим трудом смогут всего этого добиться. Поэтому они не ленились, не отвлекались на суету, избегали бессмысленных вещей. Потратить час жизни попусту – непозволительно. И даже оскорбительно для самого себя.

Они не тратили нервы на чепуху, не страдали из-за ерунды. У того поколения вообще был совершенно иной эмоциональный масштаб. Что для них трагедия? Война. Потеря близкого человека. Остальное – дело житейское.

А теперь давайте посмотрим на современное поколение. Я не могу говорить за всех, но сужу на уровне наблюдений. Масштаб переживаний совсем иной. Парень бросил – трагедия. Такси на 10 минут опоздало – трагедия. Собеседник повысил голос – трагедия. Мы из всего делаем трагедию, тем самым обесценивая чувства.

Точно так же с любовью. Раньше это было чувство – раз и навсегда. Это ответственность и взаимные обязательства. Любовь и семья – синонимы. Произнесенные вслух слова «я тебя люблю» были результатом серьезнейших внутренних переживаний. Сейчас эту фразу говорят чаще, чем моют руки.

Каждая минута для моей бабушки обладала смыслом, каждая секунда – ценностью.

Масштаб переживаемых трагедий определяет глубину творчества. Как-то раз мы с бабушкой говорили на эту тему. Она мне сказала: «Юля, наше поколение, миллионы простых людей, с таким трудом защитили мир, такую цену заплатили... У наших друзей из Смоленска в семье было 12 человек, после войны осталось только трое. Невообразимая цена. Ради чего все это? Чтобы потом бездельничать и плевать в потолок? Нет!»

Сложный вопрос – ради чего все тогда было? Даже спустя 75 лет после Победы. Общаюсь со сверстниками, приятелями из более молодого поколения, я встречаю расхожее мнение, что раз мы тогда победили, то теперь можем делать все, что захотим: «Спасибо, мы получили свободу». В принципе, не могу сказать, что они не правы. Но моя бабушка в разговорах со мной всегда делала другой акцент. Свобода – конечно, да. Но, в первую очередь, мы получили возможность, шанс сделать что-то полезное.

В общем, тогда люди смотрели вперед, учились у прошлого. Но жили сегодня. Здесь и сейчас.

При этом я всегда удивлялась, как бабушка смогла сохранить в себе женственность. У нее были широкие ладони, крепкие руки – вилку пальцами гнула. Уверенная походка. Командный голос и стальная, какая-то офицерская невозмутимость, она была настоящим трудоголиком. Со стороны посмотришь – «бой-баба».

При этом она всегда оставалась настоящей леди. Женщиной с большой буквы. С удивительным чувством прекрасного, чувством стиля и вкуса.

С детства, когда я только-только начала осознавать свой пол, бабушка часто говорила мне, что девочка должна всегда оставаться девочкой: красивой, элегантной и гордой. Это то, что никто и никогда не сможет у тебя отобрать. Платье могут украсть, время заберет молодость, работа – силы. Но женственность – это богатство, которое всегда останется с тобой.

На мой взгляд, большую ошибку совершают женщины, которые начинают противопоставлять себя мужчинам. Мол, они такие, поэтому мы должны быть другими. Они – суровые, а мы, значит, нежные. Они сильные, а мы – слабые. Или ставить себя на один уровень с ними: «Дайте нам такие же права, дайте-дайте». Все это неизбежно приводит к тому, что человек женского пола начинает считать себя выше мужчины, унижая его достоинство и умаляя место в истории.

Такой образ мыслей, на мой взгляд, приводит к разочарованию не столько в мужчинах, сколько в самой себе. Почему? Потому что, когда мы начинаем искать свое место рядом с мужчиной исключительно в вертикальной плоскости – выше, ниже или глаза в глаза, то ставим перед собой недостижимую цель. Казалось бы, ну вот же она. Да, только между нами – река глубокая, а ты – в лыжи обутая. Видишь, но не дойдешь. Конечно, можно зимы дожидаться, по льду перейти. Но с нашим-то климатом и глобальным потеплением... В общем, не вариант!

Тем не менее, если поразмыслить, то даже отрицающие мужчин женщины продолжают жить относительно полноценной жизнью, потому что у них все равно есть третья точка опоры. Просто отсутствующий физически мужчина превращается в женской голове в виртуального «мужика» – яростного антагониста, в значительной степени управляющего поступками и мотивациями носительницы головы, в которой он живет.

Женщина – это неотъемлемая часть человечества. Как и мужчина. Я бы тут такую аналогию провела. Человечество – это часы. Женщины и мужчины – шестеренки. Можно ли сказать, что какая-то из шестеренок важнее всех остальных? Нет.

Еще одна важная мысль от бабушки: «Кто бы что, девочка моя, ни говорил, но внешность очень важна». Бабушка позволяла мне экспериментировать с одеждой, поддерживала мое стремление к красоте, воспитывала вкус. Впоследствии эти эксперименты приобретали самые невероятные формы.

Сколько раз я сталкивалась с девчонками, которые самонадеянно считали, что внешность – не главное, важен богатый внутренний мир. Да кто ж спорит! Но любовь к Ницше не противоречит качественному маникюру, регулярным походам в СПА и покупке брендовых вещей. Более того, появившись сейчас перед нами этот Ницше, он бы испытал далеко не только философское удовольствие от созерцания красивой, ухоженной, модной современной девушки.

Бабушка, кстати, продолжая свою мысль про внешность, говорила: «Нельзя противопоставлять ум и красоту. Они вполне могут друг друга дополнять».

Интеллектуальное самоотречение, добровольная аскеза, когда смысл жизни в книгах, постижении тайных смыслов и бесконечном путешествии за горизонт внутреннего мира... У меня было три таких подруги. Ровно три. И вот что я вам скажу, дорогой читатель. Такой вот уход в интеллектуальную работу, что называется, с головой, имеет только одну причину: потеря веры в собственную внешнюю красоту. Парень бросил – сразу вывод: «Я некрасивая». Глупее не придумать. Бывает, что девочка стесняется своей внешности. Ей кажется, что у нее ноги длинные, руки короткие, глаза маленькие, грудь какого-то не такого размера. И все, ставит на себе крест, посвящая 24 часа в сутки науке, например. Но ведь это в корне неправильно. Я всю свою жизнь кладу на алтарь искусства, сцена для меня – все. При этом я умею следить за собой. Тут никто не поспорит. А кто сомневается – зайдите в мой «Инстаграм». И не забудьте подписаться и поставить пару лайков.

Есть обратная ситуация, когда девушка начинает строить стену между умом и красотой. Сперва ей математичка сказала, что геометрия – это не ее, потом у одноклассницы за контрольную – «пять», а у нее – «три» с минусом. И это накладывается на повышенный интерес со стороны парней. Отсюда самый простой, но тоже недалекий вывод о том, что если ты красивая, то умной быть необязательно. И, махнув рукой на собственное интеллектуальное развитие, девушка все свое время посвящает внешнему самосовершенствованию, получая «маникюр головного мозга».

Глупость! Никто не требует от вас становиться великой Софьей Ковалевской, которая, кстати, была красавицей. В вопросе соотношения красоты и ума меня больше всего привлекает история Ады Лавлейс – дочери английского поэта Джорджа Байрона и увлеченной математикой красавицы Анны-Изабеллы.

Ада воспитывалась в безупречных стандартах красоты того времени – дорогие ткани, изящная мебель, изысканная еда, светское общество, знакомство с монаршей семьей. Однако от падения в бездну гедонизма ее удержало увлечение наукой. Ее наставницей стала Мэри Сомервилль, которая известна не только внимательным отношением к собственной внешности, но и переводом «Трактата о небесной механике» Лапласа. Семья и учителя Ады методично пресекали любую попытку поставить стену между красотой и умом. Это две прекрасные стихии – и важен их союз, а не война.

В истории Ада Лавлейс осталась, как невероятной красоты женщина и... первый программист. Именно она еще в первой половине девятнадцатого века предположила, что в далеком будущем вычислительная машина сможет самостоятельно писать музыку. Невероятный человек. Так что, когда вы вновь зададитесь вопросом: «Я красивая или умная?», просто вспомните Аду.

В свой адрес я, кстати, нередко слышу, что я красивая и, как бы это деликатнее сказать, не особенно глубокая девушка. Конечно, люди ориентируются на мой сценический образ, и одно время меня сильно огорчало и злило такое мнение. Сегодня я отношусь с пониманием к таким заявлениям. Не могу же я отказывать людям жить в иллюзиях. Пусть!

Мое первое воспоминание – мне было три года, не больше. Я должна была прочитать стихотворение на новогоднем утреннике в детском саду. Это, наверное, был мой первый выход на сцену, и, конечно, было очень волнительно выступать перед бесконечными снежинками, гномами, котиками, собачками и космонавтами – тогда не наблюдалось особого разнообразия в тематике детских новогодних костюмов. Зато все они были сделаны с душой, руками родителей. И если на празднике было десять фей, у каждой из них было платье оригинального фасона и расцветки.

Сейчас традиция родительского рукоделия пропадает. В магазинах можно найти новогодний костюмчик или платье на любой вкус. А тогда – шили сами. Вручную. По ночам. Из штор, обрезков тканей, старого пальто. Что было под рукой – все шло в дело.

Хорошо помню, как за несколько дней до утренника мама взялась шить мне новое платьишко. Специально достала откуда-то немного драпа – жуткий дефицит! Крутила меня, вертела, снимая мерки. А я повторяла: «Мама, ты мне главное цветочек пришей спереди. Это красиво».

За окном была декабрьская тьма, ветер стучался в окно. Но в комнате от желтой лампы разливалось тепло, было уютно. Мама шила, бабушка что-то подсказывала. А я стояла в теплых тапочках посреди квартиры и мечтала о новом наряде. Помню, как мне хотели добавить к платью парик. Не то рыжий, не то сиреневый, с блестками. Мама говорила: «Юля, ты девочка, которая у нас всегда поет, будешь как Алла Пугачева». Я, конечно, протестовала, потому что в памяти застряла серия из «Ну, погоди!», где заяц пел на сцене в таком вот парике. Нет-нет-нет! Берите бигуди, делайте мне кудри из того, что есть!

В общем, если верить воспоминаниям, детство у меня начиналось красиво. В платьишке.

Вот что интересно. Я точно помню, что в те годы у меня в голове не существовало разделения на мальчиков и девочек. Для меня все сверстники были просто дети. Только лет в семь-восемь жизнь моя начала стремительно меняться, заиграла новыми красками. Первая революция моего сознания пришлась на период учебы во втором классе общеобразовательной школы номер два города Верхняя Пышма. Именно тогда я впервые начала замечать, что мальчики – это не просто «Вася, Петя, мой дружок», с которыми мы гуляли и лазили по деревьям, баловались и по весне пускали кораблики в ручейках. Я начала видеть в них... как бы так сказать... интересных людей, чей образ мыслей сильно отличается от девчачьего. Очень сильно.

А дело был так. Водилась я с местным хулиганом Федькой, старше меня на год. Для своих девяти лет он был красавчиком. Ходил в футболке с надписью «KARATE» и фанател от Брюса Ли. Как я поняла, этот иностранный парень тоже любил подраться.

Вообще, в те времена для детей нашего района умение драться было важным, а иногда и решающим. Время жесткое, воздух наэлектризованный. «Лихие девяностые». И еще какие лихие. Это чувствовали даже дети. За себя надо было уметь постоять, но сделать это по правилам реальной жизни, а не в «Вконтакте».

Мне иногда присылают ссылки на новости о том, как школьники гурьбой побили одноклассника. Я очень расстраиваюсь. Это же чудовищно. Страшно. Но не потому, что парни дерутся – это как раз нормально, человечество всю свою историю дерется. Страшно, когда размываются, растворяются правила, как говорили у нас во дворе, «понятия». Вот взяли – и втроем побили одного. Или заведомо слабого. В наше время это стало бы несмысленным позором и потерей лица. И у девчонок уважения такие драчуны не вызывали. Все прекрасно понимали, что у мальчишек бывают ситуации, когда вопрос решают только кулаки. Но если драться, то только один на один. И с равным.

Девочки себя в обиду тоже не давали.

Федя умел постоять за себя, но при этом был невероятным романтиком – это я сейчас понимаю. Нежнейшей, тончайшей души человек, в отличие от парней его возраста, которые для привлечения внимания понравившейся девчонки предпочитали пинать ее портфель, отбивать учебники, стрелять жеваной бумагой и выказывать бомбическое презрение. Считалось, что такими эпатажными поступками они обратят на себя внимание, и девочка будет млеть. Предмет обожания (предмет!) внимание обращал – это да. Но не млея. Предмет, в смысле. Ну, обожания. Классические леди рабочих окраин, мы поднимали голос, отвечали тем же – кидались линейками, а кое-кого из кавалеров попинывали по пятой точке. Отчего-то парнишки забывали, что у нас хорошая секция самбо, где занимались в том числе и девочки. В общем, жизнь кипела.

А вот Федя был не из таких. Хорошие, видимо, были у него родители, которые вовремя объяснили, как надо общаться с девочками. Однажды юный каратист принес мне цветы. Я подумала – как классно, это так приятно! И на следующий день... тоже подарила ему цветы.

Федя был слегка в шоке:

– В смысле? Ты не можешь мне дарить цветы, ты девочка. Это только мальчики дарят цветы. Той, кого любят.

– Так, Федя, а что я еще не должна делать?

– Ну, ты не должна драться, не можешь приглашать на свидания, тебе нельзя носить короткие волосы на голове, потому что это все могут только мальчики делать.

– Федя, ты совсем, что ли? Какая разница, кто цветы дарит? Это же просто прикольно!

Но Федор настаивал на своем. Так я начинала постепенно понимать, что мужчины и женщины – это несколько разные создания, и у каждого – своя модель поведения. Где-то они пересекаются, но чаще всего причинно-следственные связи у нас категорически разные. Тем не менее в первые школьные годы я не делала больших различий между собой и парнями. И вроде бы получалось.

Я родилась в небольшом промышленном городке Верхняя Пышма. Типичный для среднего Урала город-завод. Там плавилась медь, дымили трубы, стояли типичные «хрущевки» и «брежневки».

Росла обычным «дворовым ребенком», как и 99 процентов советских детей. Жила в пятиэтажке с темным подъездом, или, по-простому, «падиком». Все соседи – друзья и товарищи, кроме одного сварливого деда Василия. Он был, как совесть нации, и постоянно делал хлесткие замечания всем и по любому поводу. Как у Андрона Кончаловского в его гениальной «Сибириаде» был образ «Вечного Деда», так и в советских дворах обязательно был свой

«Сварливый Дед». Сотни, тысячи, сотни тысяч сварливых дедов образовали свою сварливую сеть по всему Советскому Союзу.

Вечером идешь гулять – куда так поздно?

Утром идешь в школу – куда так рано?

Идешь в платье – чего вырядилась?

Идешь в штанах и футболке – ишь как пацаан, как разбойник!

Но вообще, дед Василий нас, конечно, любил. Шпынял, но любил. И даже подкармливал ирисками. И, знаете, я уже тогда поняла, что за противным характером может скрываться хороший человек, способный на добрые поступки.

Как-то раз, когда Василий обрушился на меня с критикой моего слишком громкого голоса, я не выдержала, подошла к нему, села рядом на лавку и строго спросила:

– Дед, ну вот чего ты постоянно меня, Федьку, других ребят ругаешь? Мы хорошие.

– Все мы хорошие, когда дети. Только вырастаем не пойми кем. Делаем не пойми что. И живем не пойми зачем, – как-то очень серьезно ответил он. – Понимаешь, Люля, ты еще маленькая и не думаешь, какие последствия могут быть у твоих поступков.

– Ну, как же. Все прекрасно знаю. Тетрадку у Петьки стащишь – подзатыльник получишь. Конфеты тайком от мамы съешь – гулять не отпустят. За поступки надо отвечать, мне так Ба говорит.

– Правильно бабушка твоя говорит. Но ты смотри дальше. Жизнь-то дюже длинная. Вот – Федя. Я вижу, ты ему нравишься. Зачем ты ему на днях сказал «нет» и цветы в лицо запустила?

– Так он мне запрещает тоже цветы дарить. Ему дарить. Негодяй.

– Вот ты раз ему «нет» скажешь. Потом два. И три. Знаешь, что в итоге получится?

– Что же?

– А ничего. Забудет он про тебя. Мужчина, Юленька, терпит только до третьего «нет». А потом как обрубают. Уходит и забывает. Поэтому, чтобы не сказать случайно «нет» в третий раз, лучше вообще избегать этого слова. Не говорить мужчине «нет».

– А как тогда? Если мне что-то не нравится? Вот скажи мне Федя, что два плюс два – пять. Мне ему что отвечать? «Да»?

– У вас, у девочек, мозг подвижный, – с этими словами он своей тяжелой рукой удивительно изящно потрепал мои волосы. – Вы всегда что-то смекалистое придумываете. Причины, версии, проблемы – тут у вас фантазия – мама, не горюй. Вот и здесь. Вместо «нет» всегда можно найти какую-то фразу другую.

– Не понимаю, дедушка...

– Юля, девочка должна быть загадочной. Тайной будь!

– Эх, деда-деда, ничего ты не понимаешь. Все, пока! – И я убежала во двор.

Это был единственный раз, когда мы с ним так откровенно поговорили. Все следующие наши встречи я, как реактивный самолет, пронеслась мимо его снарядов-реплик. А через три года после этого диалога деда Василия не стало. Но, вы знаете, его слова очень прочно засели внутри меня. Сейчас-то я понимаю, о чем он говорил. Мудрым он был. Все правильно.

С годами скамеечка во дворе притягивала все меньше бабушек и все больше детворы. Пришло новое поколение. Умные люди говорят, что жизнь человека – это постоянное удаление от матери. Вначале ребенок находится внутри мамы, потом рядом на руках, чуть позже он перемещается в детский сад и школу, оставаясь под опекой родителей только утром, вечером и в выходные. Потом – институт. Свадьба, когда девушка окончательно уходит из-под опеки родителей к мужу и сама становится матерью...

Годам к десяти мы уже значительно отделились от родителей. Школа, кружки, секции, двор. Дом – это только поспать. Главным в этой цепочке был двор. Я росла активным ребенком, так получилось, может, гены. Никогда не было такого, чтобы мне говорили: «Юля, хватит сидеть дома, иди с ребятами погуляй». Нет. Как мне рассказывала бабушка, даже мой первый

шаг был сделан в сторону другого младенца, чьи родители в тот день пришли к нам в гости. То есть уже, так сказать, с пеленок, тянулась к социуму.

Еще одной причиной моей коммуникабельности было отсутствие альтернативы. А что еще делать советскому ребенку, кроме как тусоваться с друзьями на улице? Инсты, смартфонов, киношек, кафешек – не было. Вот и получалось, как в том стишке: «Дело было вечером, делать было нечего». Чтобы не испытывать в четырех стенах классическую русскую тоску, ребятня покоряла дворы, улицы и другие пространства.

Начала вспоминать детские годы, разложила около клавиатуры свои ранние фото. И задумалась о том, насколько мы были другими. Знаю-знаю, так говорят всегда. Типичный спор поколений. Но все-таки! Нас меньше опекали, мы больше рисковали. Мы были самостоятельнее, умели жить без страховки. И это, в первую очередь, касалось парней.

Сейчас растут прекрасные, талантливые дети. Я таких видела много у себя в центре красноречия, на съемках детского КВН. Но есть повод, по которому я не могу промолчать. Еще со времен учебы в педагогическом у меня есть две подруги. Сегодня они работают учителями в школе. Одна учит математике, другая – истории. Бывает, интересуюсь у них, какие они, современные дети? Отвечают: «Да дети-то молодцы, добрые, светлые. Такие же, как мы на рубеже 80–90-х. Но...» Но есть один минус. Современным детям создают тепличные условия – и в школе, и дома.

Нынешние дети не дежурят по школе. Сейчас уже трудно представить себе, чтобы десятилетка мыл полы в классе. А для нас это было приключение. Потому что вместе с соседкой по парте мы оставались в кабинете одни, можно было похулиганить, сесть за стол учителя и во весь голос пародировать: «Детиии, открываем тетрааади, пишем классная работааа. Михалкова! К доске!» Весело было. И такая дополнительная нагрузка воспринималась совершенно нормально. Ну, пол помыли, что такого? Наш ведь класс, мы тут учимся.

А сейчас? Попроси школьника доску протереть, сразу родители возмутятся – эксплуатация детского труда. Детей в школу возят на машине, высаживают у самого входа. Беспокоятся, а как же, ребенок заблудится, мало ли что случится. А мы в школу ходили пешком или ездили в переполненном автобусе. Мы не боялись ничего. Зимой в темноте шли к первому уроку. И уже в первом классе считали, что провожать нас за ручку – это слишком!

Сегодня детей стараются уберечь от любой опасности. Это правильно. Детей надо беречь и защищать. С другой стороны, если активно брать ребенка под крыло, то как же он научится самостоятельности? Выживанию в реальном мире?

Да, мы в детстве себя не жалели, рисковали, участвовали в различных авантюрах. Набивали синяки, зарабатывая личный опыт. И это тоже хорошо. Чем больше шишек ты набьешь в детстве, тем меньше у тебя их будет во взрослой жизни. Учебники читать нужно. Взрослых слушать – конечно. Но личный опыт – бесценен.

В этом плане сложное, но очень конкретное время 90-х, верхне пышминские типичные дворы и местные резкие парни начали формировать меня как личность. Пространство моего детства определялось и объяснялось этими тремя точками, которые стали для меня впоследствии опорой для прыжка вверх.

Возвращаясь к детским фотографиям. Вот я – маленькая девчушка на лыжах. Снимок черно-белый, но я вижу, как горят у меня щеки. Еще бы, пять километров на беговых лыжах, да на уральском морозе – вот это да!

Или вот я – такая красавица около березок. В спортивном костюме – он на размер больше, но зато красивый.

Или еще смешной кадр. Мне лет десять. Стою у себя в комнате. Чуть растрепанная, запыхавшаяся. Улыбка до ушей. Видимо, забежала с улицы домой и через секунду одной ногой уже снова в подъезде. Потому что мы не сидели дома.

Что объединяет все эти фотки? Улица. Мы, дети позднего СССР и начала 90-х, буквально жили на улице: с утра до вечера гуляли. Дома только ели, спали и отмечали день рождения. Сложных гаджетов тогда еще не изобрели, до изобретения «Инстаграма» было больше 20 лет. Ничего сложнее тетриса и пульта от «Дэнди» мы в руках не держали. Первый и единственный на всю округу компьютер, который появился у одного моего школьного знакомого, воспринимался в 95-м году, как нечто инопланетное и малоинтересное.

Улица меня многому научила, в том числе общению с парнями. Улица – это пространство приключений и реальных испытаний. Мы гуляли по стройкам без касок, мы лазали по деревьям, ходили в походы, жгли костры и плавали на самодельном плоту по озеру. Беспокоились ли за нас родители? Думаю, да. Но спасибо им, что давали возможность самостоятельно исследовать мир.

Почему мне кажется важным рассказать об этом в контексте общения с мужчинами? Успешные мужчины – мои ровесники и старше – в большинстве своем тоже росли на улице. Школы, двор, драки, настоящая дружба, любовь и приключения. Поэтому, перед тем как начинать разговор с женщиной, у меня не возникает ощущения неравенства. Интуитивно, на сотые доли секунды я возвращаюсь в свое детство и думаю, как бы мы с тобой встретились, будь нам по десять лет? О чем говорили бы, на какие авантюры отважились?

Как-то мой дядя – военный разведчик – рассказывал мне, что нечто подобное бывает у тех, кто служил в армии. Один может быть министром, а другой – сторожем на заводе. Но, если они оба служили в ВДВ, то, как говорят, начинают друг к другу относиться как братья. Общность, командность, взаимовыручка.

Таким ВДВ для меня является двор моего детства. Я всех примеряю к нему. Уже потом, пообщавшись, делаю выводы о том, что за человек стоит передо мной, из какого он теста.

Мы все выросли разными. Но двор дал нам кое-что общее: самостоятельность и дух здорового авантюризма.

У нас во дворе всегда была своя банда: мальчишки, девчонки. Состав иногда менялся, но принцип оставался – работа в команде.

Первый вывод, который я сделала в общении с парнями: их лидерство оспоримо. В десять лет мои подружки считали, что мальчик должен быть сильнее, умнее, смелее. А девочка – послушнее и красивее. Такая установка постепенно начала вызывать во мне внутренний протест. Причина банальна. Во-первых, я ничего никому не должна. Во-вторых, жизнь проходит, а парни нечто захватывающее предлагали редко, силу не демонстрировали, ум и смелость хранили про запас.

Шажок за шажком, я начала чуть настойчивее проявлять инициативу в вопросах организации новых героических миссий. Первый успех не заставил себя долго ждать. Где-то в середине мая я предложила: «Ребята, давайте корабль построим? Водоем рядом есть. Классно будет!»

Действительно, в пределах километра от дома, в районе садовых участков, было несколько прудиков. Сейчас я понимаю, что это обычные большие лужи или пожарные водоемы. Но тогда нам казалось, что мы стоим на берегу бушующего моря. Ходили дворовые легенды, что там глубина триста метров, и на дне затаилась хищная рыба. Супер! Опасность! Полный вперед! Тем более – корабль надо делать о-бя-за-тель-но. В те годы у детей действовало простое правило: чем опаснее – тем интереснее.

Разумеется, мальчиков поразил масштаб моей судостроительной мысли, было видно, как загорелись у них глаза. Но так сразу соглашаться с девчонкой было не «по-пацански», не «попышмински». Начали скептически хмыкать, с трагически серьезным видом преувеличивать сложность предприятия и даже намекали, что девчонок на борт не возьмут. «Ага, чего придумали! Еще как возьмете», – подумала я про себя, но в громкие споры тем не менее вступить

не стала. Для меня было принципиально важно, что инициативу в целом одобрили. С моей стороны звучала только похвала за каждое промежуточное достижение.

Судно удалось на славу: две старые покрывки, доски, квадратный метр фанеры и старый ковер. Корабль мечты. Самое интересное, что в итоге он поплыл. И наш экипаж в составе четырех человек достиг центра пруда. Помню, надвигалась туча, и я, шмыгая простуженным носом, чувствовала запах дождя – один из моих любимых ароматов. Он шел где-то в паре километров, но теплый влажный воздух с оттенками вымоченного разнотравья и промокшей хвои долетал до меня и только раззадоривал воображение. На фоне мятой, сизоватого оттенка тучи плеск волны производил на нас впечатление тихоокеанского шторма из сериала про Кусто. Волна накатывала, ноги промокли. В тот момент нам на минуту показалось, что мы не возле дома, в пригороде Екатеринбурга, а где-то далеко, в героическом странствии, где у нас нет никакой страховки, ни помощи извне, и все зависит только от нас самих. Мы, как юные магелланы, отправились навстречу неизвестности и были этому счастливы до дрожи в ногах.

Успех этого предприятия позволил мне сделать очевидный вывод: девочка может брать инициативу в свои руки.

Продолжая развивать свою девичью философию, я начала тестировать пределы инициативности: до каких пор можно давить на парня, чтобы его не взбесить? Месяца три мои еженедельные предложения «А давайте, мы...» принимались спокойно, с умеренным энтузиазмом: мы строили штаб на дереве, собирали макулатуру, ходили в лес. Обычные развлечения детворы.

Все шло хорошо до того момента, пока я не начала учить парней, как разжигать костер и что брать с собой в поход. «Вася, ты веточки березовые не клади, лучше сосновые. А где береста? Коля, не нужен перочинный ножик, лучше еще яблок возьмем», – лезла я под руку. И однажды все-таки услышала это: «Я пацан, я лучше знаю. А ты, девчонка, отойди».

Вот эта коронная фраза «я – пацан» означает только то, что дальнейшие споры с парнем можно прекращать. Потому что любая следующая реплика будет восприниматься им, как подозрение в том, что он слаб. А подозревать пацана в слабости – это суровое и опасное преступление, которое карается жестко, пресекается на корню. Услышала «я – пацан» – все, молчи, улыбайся, хлопай ресницами и взлетай. Это я поняла потом. А тогда была возмущена до предела. Какое свинство! Какое шокирующее заявление! Рассердилась – не передать, как. Фыркнула. Развернулась. Убежала. Дулась неделю.

Но, справедливости ради, парни оказались молодцы. Поступили правильно: пришли с повинной, даже не будучи виноватыми.

Почему это так важно? Конечно, бывают ситуации, когда мужчины виноваты и должны просить прощения. Когда ты опоздал, приврал, вазу разбил, кота не покормил, не заметил новую стрижку – за все это надо извиняться искренне и убедительно. Особенно – за прическу. Такое не прощается. Но иногда я и сама бываю не права. И вроде понимаю, что надо пойти, проявить инициативу, разрулить ситуацию...

В студенческие годы у меня были определенные трудности с дисциплиной. Могла заставить человека ждать на морозе, пока приводила себя в порядок, или сделать поспешные выводы о ком-то, сказать неприятные слова. И получала в ответ: «Юля, как же ты могла так поступить...»

Помню, в средних классах мы с подружкой подшутили над мальчиком Жорой. Он был ко мне равнодушен, пылал чувствами, стеснялся и краснел в моем присутствии, но в целом парень был неплохой. Добрый. Так вот, решили мы Жорика делом занять.

В школе была столовая. Точнее, так: столовка. Между этими двумя словами раньше угадывалась едва заметная, но принципиальная разница. Как между словами «рябь» и «зыбь». Столовая – это полноценный общепит. Как сегодня фудкорт. Даже занавески на окнах и скатерти на столах были. Столовка же – это ближе к Макдоналдсу. Когда тебе надо быстро поесть,

и весь гастрономический репертуар ты знал наизусть. А в качестве самобытных деталей – чуть битые тарелки, чай в граненых стаканах, минтай с макаронками и слегка сыроватая выпечка.

В этой столовке работала посудомойка по имени Жанна. Ей было далеко за пятьдесят. Она курила в школьном дворе папиросы «Беломор» (несмотря на запрет), носила красные бусы и имела четыре золотых зуба во рту. Закрой ей один глаз повязкой, посади на плечо попугая – вот вам готовый пират. Буквально недавно пересматривала гениальный, многое заставивший переосмыслить фильм Феллини «Восемь с половиной» и вспомнила роль Эддры Гейл – слегка тучной, с растрепанными волосами барышни Сарагины, танцующей румбу. Вот – она самая! Точное попадание в образ.

Мы тетю Жанну боялись сильно. И вилки она плохо промывала: только переднюю часть, а саму ручку – нет. Поэтому вилка была жирной и скользила в руках, как обмылок в сауне.

Так вот, решили мы отправить Жорика на встречу с «прекрасным». Подхожу к нему, беру за локоть и говорю: «Помоги-помоги, кажется, я сережку обронила в стакан, который уже сдала на мойку. Найди, пожалуйста, это так важно!» Жорик расцвел. Я сама к нему подошла и что-то попросила! «Конечно, Юлечка! Сию минуту». И уверенным шагом направился в помещение с грязной посудой. К сожалению, закончилось это печально. Наш Индиана Джонс побил семь стаканов, три тарелки и умудрился помять две ложки. Родителей вызвали к директору. Устроили нагоняй.

Разумеется, ничего я не теряла, но Жорик ни словом не обмолвился о том, кто его надумил войти в логово Жанны. Правда, спустя неделю подошел и шепнул мне на ухо: «Вот ты зараза!» И больше уже никогда не подходил. Как нам с подругой было стыдно!

Таких шуток и нелепых ситуаций в школе и в университете было немало. Но в тот период я редко первой шла извиняться. В исключительных случаях. Ждала, когда придут ко мне. И дело было не в том, кто признает вину. Просто если человек вопреки своему убеждению в собственной невинности все-таки приходит к тебе поговорить, это значит, что ты ему как минимум не безразлична. Для меня было категорически важно понимать, что я кому-то нужна. Жестоко? Может быть.

В общем, после того, как я впервые из уст приятеля услышала «я – пацан», всю ночь пролежала, уткнувшись в подушку. Размышляла о произошедшем, сделала еще один вывод: если работаешь в команде с парнями, не надо брать всю инициативу в свои руки. Оставь что-нибудь мальчикам.

Мальчики, а также и мужчины, уверены, что есть вопросы, которые находятся исключительно в их компетенции. Сегодня перечень этих тем не изменился: политика, спорт, рыбалка, а также все, что касается «сурового мужского труда» – как забивать гвоздь, пилить доску, клеить танчики... Даже если он по факту молоток в руке ни разу не держал, все равно – лучше знает, как поступать со своим гвоздиком.

А еще – машины. Мужчины у нас – главные механики и гонщики. Если он ведет автомобиль, а впереди идущая машина совершает непредсказуемый маневр, то вы с вероятностью 80 % услышите: «Наверняка баба за рулем». Причем не «женщина», не «девушка», а именно «баба». Правда, стоит ей выйти из машины, и – о, чудо! – она обратно превращается в женщину.

Вообще, я заметила, что слово «баба» мужчины употребляют исключительно в своей однополой компании. Не знаю, может, причина в том, что это самое простое слово: один слог повторил два раза – вот и все. Меньше энергозатрат. То ли дело – женщина! Семь букв. С женщинами все сложнее.

Второй важный вывод, который я сделала: предоставлять мужчине право на единоличное решение вопросов, где он будет главным экспертом и королем. Вот поэтому спортивные события я предпочитаю обсуждать только с подружками. Однако тему «как управлять Россией и кто во всем виноват» я время от времени поднимала во время репетиций «Уральских Пельме-

ней». Заканчивалось это все спором на повышенных тонах, маханием рук и киданием посуды в стену. Лучше не обсуждать политику с мужчинами. Не надо.

Глава 4. Виталик-сандалик

Продолжая повествование о моем бурном детстве, не могу не вспомнить историю про Виталика. Он многому меня научил и оказал просто невероятное влияние на мое развитие. Невольный коуч дней моих девичьих.

Училась я в третьем классе. Золотое время, когда девочки начинают замечать у себя учащенное биение сердца при приближении красавчика из старшего класса. Таким «аленделоном» у нас в школе был Виталик. Сейчас точно не скажу, но, по-моему, он ходил в пятый класс – на год старше меня. Тогда «четвертых» классов не было, так что со счетом все в порядке.

Кучерявый, смуглый, как будто после моря приехал, спортивный. Боксом занимался. Но главным его конкурентным преимуществом была одежда. Всегда «на стиле», в костюме «Адидас». В белоснежных носках и сандалиях из козжама.

Поэтому какое у него было прозвище? Правильно, сандалик.

Виталик, по слухам, уже курил за гаражами, крепко выражался и даже... о, боже... умел целоваться. Точно не знаю, все это были слухи. Пленительные, манящие слухи, которые стремительно вскружили мою голову. Влюбилась впервые.

В школьном коридоре глазами выискивала его худощавый силуэт и старалась пройти рядом, в столовой очередь занимала как можно ближе за ним и даже трижды спросила «какой час».

«Деееевять», – небрежно произносил он. Лихорадочно моргая в ответ глазами, я плавила, как кусочек сливочного масла на раскаленной сковородке. Влюбилась настолько, что даже стеснялась сказать об этом подругам.

Приближалось 14 февраля. В те годы День святого Валентина только-только начинал становиться главным праздником всех школьников. Это, по сути, был единственный день в году, когда можно было официально намекнуть предмету своего обожания на свои чувства. Даже последний учебный день перед летними каникулами был не настолько эмоционально сильным.

За неделю до дня ИКС я начала понимать, что Виталик меня не замечает. Хотя мне казалось, что я ему столько знаков внимания оказываю, что должна была уже поселиться у него в голове. Решила действовать.

Три дня и три ночи вырезала, клеила, рисовала самую роскошную «валентинку» во всей Верхней Пышме. Сколько тепла, чувств, трепетной девичьей любви было вложено в нее. В процессе этого творческого подвига я каждую секунду представляла, как через три улицы от меня мой дорогой Виталик в своем идеальном костюме «Адидас» сидит при свете лампы и вырезает «валентинку» мне. Я даже знала, какой она была. Уже все сама за него придумала. Чуть неровные края. Конечно, Виталик боксер, у него сильные руки, и ножницами он работает широко и быстро. Она была красная, в виде сердечка. Открывается, а там текст... «Юленька, я тебя...». Ах как я мечтала эти три дня, спать не могла!

14 февраля. Раньше всех прибегаю в школу, там уже висит специальный почтовый ящик для влюбленных. Стремительно бросаю внутрь свое признание в любви. И жду.

Жду.

Жду-жду-жду.

Смеркалось.

Ответа нет.

Только на следующее утро я осознала масштаб трагедии. Еще была надежда, может быть, школьные почтальоны просто не успели мне принести его «валентинку», или с Виталиком случилась беда, а может... А вдруг... И угрюмая, тусклая тоска и обида поглотили меня на долгие недели.

Шучу. Страдала три дня – ровно столько, сколько потратила на изготовление «валентинки».

Ближе к марту, разворошив и систематизировав все воспоминания про Виталика, я пришла к любопытному выводу: он ни разу не ответил мне. Да, я спрашивала у него время. И он отвечал. Но делал это без уважения, любви и нежности, глядя в сторону кабинета седьмого класса, где училась пышная Лариса.

Поэтому уже в третьем классе я усвоила железное правило: «Не придумывай лишнего». Нельзя довольствоваться монологами, полагая, что если мужчина не отвечает, то он обязательно о тебе думает. Нет. Если мужчина не отвечает – он в 99 % случаев о тебе не думает.

В последующие годы при общении с парнями и далее с мужчинами я всегда делала отсечки обратной связи. Например, когда я участвовала в выборах, вокруг меня были практически одни мужчины. Они предлагали мне не волноваться и расслабиться, они таинственно молчали, тяжело вздыхали, и мне приходилось ежедневно душу из них вытрясать, чтобы понять, какая у нас ситуация и будет ли все хорошо. Завершилось, конечно, все так себе. И это помогло избежать нескольких недоразумений, которые могли бы негативно отразиться на моем имидже. Потому что выборы приходят и уходят, а я остаюсь.

В общем, если вам что-то нужно, всегда добивайтесь от мужчины ответа. И не бойтесь казаться навязчивой.

Глава 5. Здравствуйте, я с «Русского радио»

Примерно классу к седьмому я все сильнее убеждалась, что моя жизнь будет связана с актерской карьерой. Если раньше мне нравилось читать на утренниках стихи, пародировать и участвовать в сценках, то к двенадцати годам я задумалась: «Хм, а ведь выступать у меня получается лучше, чем решать задачки по математике».

Этот период жизни стал временем любопытных наблюдений и выводов о мужчинах.

Седьмой класс. На носу майские праздники. Уже тепло и можно с друзьями гулять до десяти вечера. Что мы и делали. Сидели на качелях и скамейках, ходили из конца в конец улицы. Дышали воздухом.

Скучно нам никогда не было. Хотя бы потому, что я постоянно упражнялась в остроумии и, надо отметить, делала это весьма успешно. Сила моя юмористическая была не в пересказе свежих анекдотов, а в импровизации. Едва ли не в каждой бытовой ситуации можно найти забавные моменты. И вот что я заметила: парни громче девушек смеялись и говорили что-то вроде: «Ну, Юлька, ну, ты вообще».

Не склонна считать, что более умеренная реакция подружек была вызвана ревностью. Если честно, я тогда ни на кого из парней не претендовала и не мыслила категориями «мой – не мой». Я все еще купалась в океане детской наивности, и даже само слово «ревность» было мне незнакомо. Причина, как мне тогда показалось, была в том, что мой юмор мужчинам был понятнее. Постепенно, интуитивно я стала именно в них видеть своего главного благодарного зрителя.

Примерно через год в моем распоряжении оказался магнитофон с функцией записи и микрофон. Он достался мне от дальнего родственника. Вещь модная и солидная. И однажды мы с подружкой Маринкой решили закрутить очередную авантюру: поиграть в радиожурналистов – взять эту серьезную технику, выйти на центральную улицу и, прикрываясь каким-нибудь громким названием радиостанции, задавать первым встречным «серьезные» вопросы. В общем, приключение в моем стиле.

Свердловская область, особенно Екатеринбург, рядом с которым располагается Верхняя Пышма, была в то время одной из российских медиа-столиц, уступая разве что Москве и Петербургу. По состоянию на 2020 год, как мне кажется, Екатеринбург удерживает пальму первенства.

Причин для такого «разгула» журналистики много. Качественное профильное образование в Уральском университете, активная политическая жизнь, беспокойные, креативные, талантливые люди и значительные бюджеты – все это привело к взрывному росту местных радио, ТВ и газет, а потом и интернет-СМИ. Так что звание «журналист», как мне тогда казалось, звучало гордо. Примерно как «космонавт» в 60-е.

Утром, в день первого «рабочего дня корреспондента», я плотно позавтракала – подвиги надо совершать на сытый желудок. Хотя позже я по этому вопросу постоянно спорила с людьми из средств массовой информации, которые любят утверждать, что хороший журналист всегда должен быть голодным и злым. Сытый и добрый пишет слишком пассивно, тягуче и меланхолично, не успевая за переменной настроением аудитории.

Начала подбор одежды. Хотелось надеть яркое, кричащее, привлекающее внимание. Для важности добавить солнцезащитные очки. В конце концов, можно хоть как одеваться – никто не знал, как выглядят радиоведущие. Может, они вообще там в банном халате у микрофона сидят.

В итоге накрутила на голове шишку, надела очки, прихватила подружку, магнитофон, микрофон и бодрым шагом направилась на центральную улицу.

– Марин, а что спрашивать-то будем?

- Почему кола подорожала? – задумчиво произнесла подруга.
- Нет, мы будем спрашивать у взрослых, а они колу не пьют. Другое пьют, – ответила я.
- Хм, ну, про погоду давай. Почему холодно, когда май на дворе?
- Теплее. Но интриги нет. Давай так: как вы относитесь к инициативе директора завода сократить количество солнечных дней? (Эту умную формулировку про «инициативу» я подслушала в недавнем выпуске местных новостей.)
- Давай, – одобрила Марина.

Вопрос придумали, приступили к поиску подходящих прохожих. Марина на плечо поставила магнитофон, я держала микрофон. Волновались обе. Но мне нравилось это волшебное чувство дикой авантюры. Две пигалицы изображают из себя репортеров и задают совершенно идиотский вопрос.

Была – не была. Вдали, из тени аллеи, показались контуры пары: мужчина вел женщину под локоток. На вид – лет за сорок. Идеальные клиенты! Говорю: «Марина, наша первая жертва, пошли же к ним скорее!»

Приближаемся, набираю полные легкие воздуха и высоким, но поставленным голосом скороговоркой выпаливаю: «Здравствуйте, я Даша Чугункина, «Русское радио», хотим задать вам вопрос». В воздухе повисла секундная пауза.

Не давая парочке ни единого шанса на сопротивление, продолжаю уже чуть более строгим голосом: «Как вы относитесь к решению директора завода сократить количество солнечных дней?»

Левым глазом смотрю на даму. Взгляд у нее был, как у профессора Преображенского, наблюдающего за Шариковым. Мужчина повел себя иначе, проявил заинтересованность. Видимо, при слове «директор» решил, что вопрос серьезный, и ответ должен быть соответствующим: «Ну... вы знаете, солнце – это хорошо, нельзя запрещать, отношусь как бы... это... не очень, что ли. «Русское радио», говорите? М-м-м. А когда эфир?».

«Вечером! Спасибо за содействие!» – выпаливаю я и стремительно исчезаю вместе с Мариной в тенистой аллее.

За три часа мы успели провернуть этот трюк раз пятнадцать. Я сделала два любопытных наблюдения. Первое. Как мы все-таки правильно выбрали место: центральная городская улица, суeta, шум. Хорошая работа со временем. Мы его сжимали, действовали не сказать что в хаотичной спешке, но в таком динамичном экспресс-режиме, не оставляя ни секунды на то, чтобы перевести дух.

Второе. Мужчины отвечали серьезно (или делали вид), без улыбки пытались рассуждать, поругивали директора, беспокоились об инсоляции Верхней Пышмы. А вот три женщины, как под копирку, нам сообщили: «Девочки, не мешайте, не хулиганьте, что за глупости, подите прочь».

Складывая в уме информацию о том, что во время прогулок парни над моими шутками смеются громче девушек, и результат эксперимента с микрофоном, я пришла к выводу, что мужчины в целом положительно реагируют на мое творчество. Постепенно поняла, что есть устойчивая мужская аудитория, которую я могу заинтересовать, с которой мне хочется по тем или иным причинам общаться. Это важное уточнение, потому что в целом вниманием мальчишек я не была обделена, но вот общаться хотелось далеко не со всеми.

Итак, этот творческий успех окончательно успокоил меня после трагического демарша Виталика и вдохновил на покорение очередных вершин.

Глава 6. О любви к импровизации

Продолжая мысль про эксперимент с микрофоном, хочу отдельно поднять тему импровизации в общении.

Вот, говорят: «Лучший экспромт – это подготовленный экспромт», считается, что у каждого выступления должен быть сценарий. Согласна на все сто: подготовка должна быть всегда и во всем. Особенно это касается выступления на сцене. Открою секрет: когда вам кажется, что гениальный актер на лету придумывает фразу и «отбивки» для шуток, то это на 99 % «домашние заготовки». Или в ухе микрофон, и режиссер вовремя подсказывает. Способность преподнести заготовку как экспромт – это тоже талант, который может вам пригодиться. Потому что, по сути, это попытка сыграть искренность.

Но есть волшебные мгновенья реальной импровизации – выхода за пределы сценария. И она порой может иметь куда более значимый эффект в общении как с большой аудиторией, так и тет-а-тет.

Достаточно посмотреть на YouTube нарезку ляпов со съемок «Уральских Пельменей». Когда кто-то забывает текст или появляется внешнее вмешательство. Помню, снимали со Славой Мясниковым миниатюру, как он превратился в женщину, а я наливала ему водки и заставляла купить блесен для рыбалки, чтобы он вновь стал мужиком.

Сцена сама по себе была невероятно смешной. Но так получилось, что из-за декораций несколько раз доносились механические звуки, отдаленно напоминающие определенную физиологическую реакцию человека, неуместную за столом. Мы настолько вошли в роль, что я искренне подумала, что это сделал Слава. И удивилась: «Это ты?» Слава, как гениальный актер, эту импровизацию моментально словил и отыграл: «Да! Если бы с тобой такое произошло (когда мужчина превратился в женщину), я бы посмотрел на тебя!» Зал просто лежал. Это было вне сценария, но реакция зрителя оказалась намного ярче, чем от идеально и безошибочно отыгранного номера.

Или вот еще один случай, который до сих пор не могу вспоминать без смеха. Слава с Андреем Рожковым играли сценку, где математик пришел за зарплатой в бухгалтерию. Когда бедный и голодный властелин интеграла набил рот бесплатным печеньем и пытался что-то вымолвить, Андрей взял со стола бутылку с водой, чтобы якобы дать Славе запить. Но в крышке оказалась дырка, и Рожков реально окатил Славу водой. Для последнего это оказалось полнейшей неожиданностью. Зал бился в истерике. Даже Андрей секунд на десять вышел из роли.

Но мой самый, наверное, яркий пример импровизации случился во время избирательной кампании 2018 года, когда я была кандидатом в депутаты Екатеринбургской городской думы. Мне предстояло избираться по одномандатному округу. Подробнее расскажу позже, пока лишь уточню, что для успеха нужно было как можно больше встречаться с людьми. В первое время мои избиратели жили в районе Уралмаш.

Уралмаш – это такой город в городе. Строился вокруг завода-гиганта. В советское время там было все самое лучшее: кино, кафе, бульвары. Колоссальных размеров дом культуры, магазины. Дома красивые, с лепниной. Это и сегодня большой район. Если смотреть по Яндекс.картам, он расположен относительно недалеко от центральной части города. Но в реальности между уралмашевцами и остальным городом простирается огромное поле с заводскими цехами. Даже когда в 90-е район соединили с центром веткой самого короткого в мире метро, жители продолжали себя чувствовать настолько самодостаточно, что не считали нужным иной раз ездить, как они говорят, «в город».

Коренные жители Уралмаша – это сплав заводской интеллигенции, инженеров, высококлассных специалистов и людей, скажем так, более молодого поколения, живущих по особым

понятиям. Дерзких и хищных. Друг друга уралмашевцы могут легко определить – по взгляду, походке.

Для меня район к тому времени был хорошо знакомым. Так получилось, что слово «Уралмаш», во всех его проявлениях, занимало значимое место в моей жизни. Поэтому, собираясь на вечерний променад по закоулкам Уралмаша, я считала, что смогу сойти за свою.

Собрались вместе с друзьями и пошли. Среда, вечер. Разгар рабочей недели, но, судя по оживлению у круглосуточных магазинов, складывалось ощущение пятницы. Почти сразу же ко мне подрулил гражданин в солнцезащитных очках, майке-«сеточке», шортах, носках и сланцах. В руках – пакет-маечка со слабоалкогольными напитками. «Юлька, ты, что ли?» – донеслись до меня из-за спины слова с привкусом пивка. Поворачиваюсь, а это «тело» уже практически подошло ко мне вплотную. В одной руке гремят бутылки, вторая залезла глубоко в карман шорт. Я напряглась. Все-таки Уралмаш. Мало ли что он там из карманов достанет: нож, кастет, пачку денег...

В иной ситуации я бы уже давно растворилась во тьме. Но – его обезоруживающий взгляд уверенного в себе переулочного льва: «Юлька, да мы тебя тут все знаем, ты – звезда наша. Дай сфоткаемся вместе!» И вроде бы сказано было грубо, резко, но так искренне, так самобытно. Даже Брежнев не вытянул бы такую роль.

Из глубокого кармана шорт показался смартфон.

– Валэрий, – представился мой поклонник.

– Хорошо, Валера, я рада, что ты смотришь «Уральские Пельмени».

– А че, когда вы качка этого смазливового уберете? – как-то небрежно и агрессивно поинтересовался Валера.

– Никто его убирать не будет. Это Сережа Исаев. Прекрасный человек, актер талантливый. А то, что так выглядит – так это роль такая. Понимаешь, Валера, мы артисты. Выглядим не так, как в жизни.

– Хренасе, ты умная, Юлька! Мое уважение! – заключил Валера.

Мы попрощались. И только я отошла, как за спиной послышался его голос: «Вот это ж*па». Я поняла, что слова адресованы мне, вряд ли такую оценку получил бы мой помощник. И вот тут обернуться бы да ответить: «Обалдел, что ли, хмырь». Но я не смогла. Это была какая-то магия самобытного уралмашевского красноречия. Даже слово «ж*па» было произнесено с таким обезоруживающим почтением, что звучало как комплимент. Поэтому я просто пожала плечами, улыбнулась и пошла дальше. Ну, а чего спорить-то? Валера был абсолютно прав! Отличная. Самая лучшая.

По дороге нам попала группа бабушек. Необыкновенных. Они были одеты по последней моде, в красивых платочках, с прической, свежим маникюром – у каждой на руке кокетливо висела сумочка. Это не бабушки – это гранд-дамы Уралмаша. Меня покорила их воспитанная, спокойная речь. Они улыбались и беседовали о поэзии. Конечно, я к ним подошла. Завязался у нас разговор. Я представилась: «Юля, кандидат в депутаты...» Они на меня посмотрели сочувственно: «Девонька, милая, оно тебе надо? Зачем? Ты такая красивая, мы тебя посмотрим по телевизору. Играй! Ты талант!»

Мы присели на скамеечку и полчаса говорили о творчестве Чехова, Маяковского и Блока. Я рассказывала про свою школу красноречия, как занимаюсь с детьми. Они с удовольствием слушали, а потом просто обняли меня и пожелали успехов.

За тот вечер я поговорила с 42 жителями в возрасте от 10 до 80 лет. Мужчины, женщины, дети. У меня была заготовлена речь о том, что я депутат, иду в думу по таким-то причинам, что планирую сделать и так далее. Но после встречи с Валерой я поняла, что такие шаблоны совершенно не срабатывают. Нужно ловить момент и чувствовать, что на душе у каждого, здесь и сейчас. С одними – о поэзии, с другими – о вреде пива, с третьими – о свежих сплетнях из

«Пельменей». Иной раз достаточно просто позволить человеку с тобой сфотографироваться. Для него снимок будет дороже слов – эта история, которая с ним останется на годы.

Великая сила импровизации – это путь к сердцу человека. И в полной мере она раскрывается в небольших аудиториях, в личном общении. Каким бы важным ни был предстоящий разговор с врагом или другом, с близким или посторонним, не полагайтесь только на готовый сценарий. Учитесь чувствовать человека. За три секунды можно взглянуть в глаза, посмотреть на руки, услышать первые слова. Оценить одежду. И понять, кто перед вами. Поймете – действуйте.

И вот что еще хочу сказать. КВН – это идеальная школа импровизации. КВН развивает скорость реакции, быстроту мышления, когда кто быстрее и точнее ответит, тот и победит.

Глава 7. Почему я пошла на ТВ, но не осталась там

Эксперимент с диктофоном зря не прошел. Меня ошеломил этот микроскопический успех, поэтому я начала погружаться в изучение мира журналистики.

Со временем картинка стала для меня привлекательнее звука: я следила за эфирами местных телеканалов, иногда смотрела выпуски новостей, наблюдала за работой корреспондентов. Мне казалось, что быть ведущим – это как выступать на школьном утреннике, только зрителей на порядок больше. Тысячи. Ты им что-то говоришь, а они кивают в ответ, возмущаются, радуются, пускаются в рассуждения. А может быть, аплодируют.

А еще мне казалось, что каждый сюжет в новостях дает людям что-то полезное, важное. Пусть в малом, но меняет их жизнь.

И вот это – принципиально важный момент, который я начала понимать ближе к десятому классу. Каждое твое действие не должно быть обращено в пустоту. И прежде чем что-то сделать, всегда надо задать самой себе простой вопрос: «Зачем?». Ты выходишь на сцену, даешь интервью, пишешь пост в «Инстаграме», снимаешь сюжет. Зачем? Действие ради действия? Нет. Важна реакция зрителя, какая-то, пусть микроскопическая, но перемена в его жизни.

В общем, творческая деятельность призвана менять людей, переворачивать мир. С этим ощущением в 2000 году я пришла на молодежное телевидение, куда меня без раздумий приняли – из-за поставленного голоса и умения держать себя в кадре.

На протяжении полутора лет мы с напарником снимали сюжеты о том, что происходит в городе, про интересных людей, которых мы ставили в пример. Давали полезную информацию.

На первых порах я испытывала чувство удовлетворения оттого, что мои сюжеты влияют на людей. Даем анонс, что перекопали центральную улицу. И с утра все, как по мановению волшебной палочки, направляются в объезд. Рассказываем о достижениях юных спортсменов – и через неделю про них говорит весь город.

Спустя полгода после начала работы на ТВ я окончательно поняла две вещи:

Первое. Мое призвание – быть на виду, силой слова и творчества влиять на людей, их поведение, эмоции, взгляды. И тогда было не так важно, где это происходит: на сцене в школе или на экране телевизора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.